ОБОСОБЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВА БЕЗ СОЗДАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА. ПРОСТОЕ ТОВАРИЩЕСТВО И ИНВЕСТИЦИОННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Е.И. ДОМШЕНКО (ЧЕРВЕЦ),

магистр юриспруденции (РШЧП), LL.M., адвокат,
партнер Коллегии адвокатов «Регионсервис»,
консультант Исследовательского центра частного права
им. С.С. Алексеева при Президенте РФ

https://doi.org/10.24031/1992-2043-2021-21-6-30-58

В настоящей статье представлен обзор некоторых договорных институтов, обладающих потенциалом для цели обособления и «экранирования» имущества. Исследованы преимущества и недостатки использования договорных конструкций простого товарищества, инвестиционного товарищества. Характеристики видов товарищества рассмотрены через призму концепции обособления имущества. Защитные свойства партнерства как обособленного пула сопряжены с наличием фидуциарных обязанностей его учредителей. Эффект обособления основан на ограничении распорядительной власти в силу согласования специальных условий управления имуществом.

Ключевые слова: обособление имущества; простое товарищество; инвестиционное товарищество.

ASSET SHIELDING WITHOUT CREATING A LEGAL ENTITY. SIMPLE PARTNERSHIP AND INVESTMENT PARTNERSHIP

E.I. DOMSHENKO (CHERVETS),

Master of Jurisprudence (Russian School of Private Law), LL.M.,
Attorney at Law, Partner at Attorneys at Law Regionservice,
Consultant at Alexeev Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation

The article provides an overview of some legal institutions, which can be applied for the purpose of asset shielding. The advantages and disadvantages of using contractual instruments of a simple partnership, an investment partnership are studied. Types of partnership are examined in conceptual framework of asset partioning doctrine, when legal entity is not established. The protective properties are associated with existence of fiduciary responsibilities. The protective effect is based on the limitation of owner's discretion and coordination of property management.

Keywords: asset shielding; simple partnership; investment partnership.

Наличие обособленного имущества характерно не только для конструкции юридического лица, но и для договорных инструментов, предполагающих обособление имущества – как от кредиторов, так и от собственника. Обособление пула активов не только вы полняет защитную функцию, но и осуществляется для достижения специальных целей, преследуемых собственником (например, оптимизация управления активами, создание системы сдержек и противовесов в управлении бизнесом при его передаче и др.). Из целей обособления можно вывести классификацию инструментов, которые в большей или меньшей степени подходят для реализации задач собственника. Рассмотрим обособление имущества без образования юридического лица на примере простого товарищества и инвестиционного товарищества.

Договор простого товарищества является единственным урегулированным ГК РФ договором об объединении лиц. Совместная деятельность позволяет путем объединения средств, трудовых усилий, опыта и специальных знаний достигать экономического эффекта, недоступного при индивидуальной деятельности лиц.

Образуя имущественный и личный союз, своими действиями лица могут достичь поставленной цели.

Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «юридическая природа общей собственности возбуждает немало сомнений», законодательство «не устраняет затруднений, возникающих на практике, вследствие трудности конструкций общей собственности»[1]. На современном уровне цивилистической науки К.И. Скловский, развивая позицию Г.Ф. Шершеневича, утверждает, что «общая собственность, достаточно успешно обслуживая практические нужды, упорно сопротивляется простым объяснениям и по мере углубления становится все менее очевидной»[2,3]. Вместе с тем правовая конструкция общей собственности призвана защитить интересы сразу несколько лиц – и, соответственно, через регламентацию правил совместного управления имуществом повлиять на их распорядительную власть для максимальной защиты законных интересов. Эффект обособления в этом случае основан на ограничении распорядительной власти в силу согласования специальных условий управления имуществом.

При общей собственности вещь принадлежит не одному собственнику, а одновременно нескольким лицам (сособственникам)[4,5]. В такой ситуации помимо внешних отношений участников общей собственности со всеми третьими лицами существуют также внутренние отношения между самими участниками этой собственности[6]. К.И. Скловский полагает, что доля в праве общей собственности «является одновременно и вещным правом (правом собственности), и имеет некоторые черты права относительного, представляющего определенные права и создавая обязанности в отношениях с иными участниками»[7]. В данном случае К.И. Скловский подчеркивает, что отношения между сособственниками являются по своей природе обязательственными. Как оппонирует этому автору Е.А. Суханов, в основе обязательственных отношений между сособственниками лежат не столько их доли в праве общей собственности, сколько соглашения сособственников о порядке использования и распоряжения общим иму-

---

1 *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. 11-е изд. М.: Бр. Башмаковы, 1914. С. 358–359.

2 *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие. М.: Дело, 1999. С. 167.

3 Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008 (СПС «КонсультантПлюс»).

4 Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2006. С. 117.

5 *Генкин Д.М.* Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961. С. 148.

6 *Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н.* Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс», 2009.

7 *Скловский К.И.* Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. Научно-практический комментарий. М.: Статут, 2004. С. 221.

ществом либо заменяющие их судебные решения[1] (п. 1 ст. 246, п. 1 ст. 247 ГК РФ). Таким образом, обязательственные отношения сособственников друг с другом не смешиваются с их вещными отношениями во взаимодействии с третьими лицами. При этом и между сособственниками все же возникают вещные отношения, например, в связи с преимущественным правом покупки доли в праве общей собственности (ст. 250 ГК РФ).

Юридическое лицо называют «формой коллективного обладания имуществом»[2], «коллективным имуществом»[3], для обозначения собственности, принадлежащей не одному, а нескольким лицам, иногда используют понятие «коллективная собственность»[4]. Е.А. Суханов обоснованно критикует применение термина «коллектив» к характеристике общей собственности, поскольку каждый из участников общей собственности остается самостоятельным собственником своего имущества и не составляет с другими сособственниками никакого особого (тем более правосубъектного) «коллектива»[5].

Распространение одного понятия на столь, казалось бы, различные правовые явления, как юридическое лицо и общая собственность, косвенно свидетельствует об их схожей черте – возможности выступать правовым инструментом для создания «экранированного» пула имущества. Общая собственность – один из юридических вариантов присвоения имущества[6] с разграничением правомочий участников оборота в отношении имущества.

Между участниками общей собственности в период ее существования деления имущества в натуре не происходит, юридически пул имущества остается единым, но право на это имущество разделено между участниками. Раздел же имущества влечет прекращение отношений общей собственности. Во внешних отношениях право общей собственности выступает как единое право, исключительность права собственности в этом случае направлена против всех посторонних лиц. Особенностью является лишь то, что правомочия собственности осуществляются всеми сособственниками сообща и волеизъявление собственников вовне является результатом согласованной воли их всех[7]. Именно поэтому между

---

1 Гражданское право: учебник. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 120.

2 *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. С. 450.

3 *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. С. 173.

4 *Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н.* Указ. соч.

5 Гражданское право: учебник. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 118. Д.И. Мейер по этому поводу отмечал: «Что касается существа общей собственности, то оно заключается в том же, в чем состоит и отдельное право собственности» (*Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 369).

6 Гражданское право: учебник. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 118.

7 *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 357.

участниками неизбежно возникают обязательственные «внутренние» отношения по согласованию их общей воли, связанной с осуществлением сообща принадлежащих им правомочий собственника[1].

Каким образом возникает общая собственность? В соответствии с правилом п. 4 ст. 244 ГК РФ общая собственность возникает прежде всего при поступлении в собственность двух или нескольких лиц вещей, неделимых по своей природе либо в силу указания закона, а в отношении делимого имущества – в случаях, прямо предусмотренных законом или договором (например, в отношении имущества супругов в силу правил ст. 33 и 34 СК РФ или при создании простого товарищества – на основании ст. 1043 ГК РФ)[2].

Общая собственность может быть с определением долей (долевая собственность) и без определения долей (совместная собственность) участников (п. 2 ст. 244 ГК РФ). Закон по-разному подходит к определению как оснований возникновения, так и круга участников общей долевой и общей совместной собственности. Основания возникновения общей долевой собственности исчерпывающе не определены. Она может возникнуть и в случаях, прямо предусмотренных законом, и в случаях, предусмотренных соглашением сторон, решением суда, а также в силу иных обстоятельств, влекущих образование общей долевой собственности. Круг участников общей долевой собственности не ограничен.

Участники совместной собственности, как и долевой, по взаимному согласию владеют, пользуются и распоряжаются общим имуществом. Отличие заключается лишь в том, что если при долевой собственности согласие сособственников должно найти объективное выражение, то при совместной оно предполагается. То обстоятельство, что «презумпция согласия» в законе закреплена только для распоряжения общим совместным имуществом, можно объяснить особым доверительным характером отношений между участниками совместной собственности. Однако есть и другая, возможно, более объективная точка зрения. Так, К.Б. Ярошенко полагает, что объяснение лишь в том, что эта норма – п. 2 ст. 253 ГК РФ – обращена к третьим лицам: распоряжаться общим имуществом может любой из участников общей совместной собственности и его представительство будет законным[3].

Как реализуется обособление имущества применительно к общей собственности? Во-первых, общее имущество может быть обособлено технически, например, путем отражения его на отдельном балансе, как это происходит при заключении договора простого товарищества (п. 2 ст. 1043 ГК РФ). Во-вторых, происходит юридическое обособление имущества: в силу ст. 255 ГК РФ личный кредитор участника общей собственности вправе предъявить требование о выделе доли должни-

---

[1] Гражданское право: учебник. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. С. 118–120.

[2] Там же. С. 118.

[3] Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров.

ка из общего имущества для обращения на нее взыскания только при недостаточности у собственника иного имущества, не переданного в общую собственность. При этом законодатель устанавливает условия, препятствующие разделу этого обособленного имущества, направленные на сохранение его целостности: личные кредиторы участника общей собственности могут обратить свои требования к доле в общем имуществе только после установления недостаточности у должника иного имущества. Кроме того, остальные участники общей собственности имеют возможность выкупить долю у должника по рыночной цене с обращением вырученных средств в погашение его долга. Только в случае отказа остальных участников от приобретения доли кредитор вправе требовать в судебном порядке обращения взыскания на долю путем продажи ее с публичных торгов.

Юридическое обособление имущества целесообразно рассматривать с двух сторон, как это делают Г. Хансманн и Р. Краакман: как защитное обособление (*defensive asset partioning*) и как подтверждающее обособление (*affirmative asset partioning*)[1]. Подтверждающее обособление проявляется в том, что оно сигнализирует кредиторам, вступающим в обязательственные отношения с или по поводу определенного пула имущества (этим пулом может быть юридическое лицо или общая собственность), что именно это обособленное от иного имущество будет направлено на погашение их, а никаких иных требований. Требования кредиторов, которые вступили в отношения с собственником этого пула, но по поводу иного его имущества, не будут удовлетворяться из обособленной части имущества либо их удовлетворение возможно лишь во вторую очередь. Что же касается защитного обособления, то оно служит для защиты имущества собственника (учредителя пула) от требований кредиторов пула. Кроме того, Г. Хансманн и Р. Краакман, за ними – В.В. Подсосонная, выделяли несколько степеней защитного и подтверждающего обособления.

Сказанное в полной мере применимо к общей собственности участников простого товарищества. Особенность общей собственности как способа обособления заключается в том, что защитное обособление в рамках этого способа полностью отсутствует[2], т.е. требования кредиторов, возникшие в связи с общей собственностью участников простого товарищества, могут быть обращены на личное имущество участников.

Простое товарищество как организационно-правовая форма ведения хозяйственной деятельности исторически появилось раньше других предпринимательских объединений и юридических лиц. Как отмечают Д.А. Мурзин и А.В. Титова, «в классическом римском праве различались два вида товариществ: товарищества, участниками которых, как правило, являлись совместно проживающие

---

[1] *Hansmann H., Kraakman R.* The Essential Role of Organization Law // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=229956.

[2] *Подсосонная В.В.* Юридическое обособление имущества // СПС «КонсультантПлюс», 2004.

родственники, которые распределяли все полученное имущество между собой; и производственные товарищества, участники которых объединяли только часть собственного имущества для выполнения определенной работы либо ведения совместной хозяйственной деятельности и получения общих доходов»[1]. Представляется, с учетом целеполагания, формируемого при учреждении простого товарищества и передаче имущества, современная конструкция простого товарищества вполне наследует традиционной и является востребованной.

Так, в зарубежных правопорядках хозяйствующие субъекты активно применяют конструкцию простого товарищества для ведения предпринимательской деятельности. В частности, в Англии количество объединений в форме простого товарищества варьируется в пределах 600 тыс., в Германии достигает 400 тыс., что оказывает положительное влияние на экономику[2]. В России договор простого товарищества развит существенно меньше[3].

Понятие договора простого товарищества, закрепленное в российском правопорядке, является близким к правовому режиму партнерств в зарубежных правопорядках, несмотря на особенности, выработанные практикой[4]. Так, в Германском гражданском уложении (далее – ГГУ) товарищи взаимно обязуются определенным в договоре способом содействовать достижению общей цели (подробнее условия взаимодействия в этом случае будут рассмотрены ниже), а образованное в соответствии с § 705 ГГУ товарищество именуется простым товариществом гражданского права. В Германии также существуют торговые товарищества, основой для которых выступает тот же учредительный договор. Согласно § 105 Торгового уложения Германии (*Handelsgesetzbuch*) торговое товарищество «пользуется правами юридического лица», но им не является. Данная фикция не меняет природы товарищества, но упрощает процесс подачи иска и определения надлежащего ответчика для цели взыскания долгов через суд. Гибкость подобной механики удобна для кредиторов, но уменьшает защитный эффект, распространяемый на обособляемое имущество.

---

1 *Мурзин Д.А., Титова А.В.* Конструкция простого товарищества как форма осуществления предпринимательской деятельности в условиях пандемии COVID-19 // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 3. С. 37–45.

2 *Zimmermann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civil Traditions. New York: Oxford University Press, 1996. P. 372. Цит. по: *Мурзин Д.А., Титова А.В.* Указ. соч. С. 37–45.

3 *Мурзин Д.А., Титова А.В.* Указ. соч. С. 37–45.

4 О сходстве данных конструкций см., например: *Козярский В.А.* Правовое положение простого товарищества в Российской Федерации и товарищества гражданского права в ФРГ // Современное право. 2011. № 8. С. 43–47. При этом с тезисом автора об однозначном отсутствии правосубъектности у простого товарищества по праву ФРГ можно не согласиться, как будет показано далее. Например: «если российское право не признает за простым товариществом правосубъектного образования, то немецкая судебная практика во многих случаях видит свойства юридического лица у такого товарищества в отношениях с третьими лицами» (*Степанов Д.И.* Диспозитивность норм договорного права // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5 (СПС «Гарант»)).

В Российской Федерации порядок формирования общего имущества товарищества установлен ст. 1043 ГК РФ. Согласно п. 1 указанной статьи внесенное товарищами имущество, которым они обладали на праве собственности, а также произведенная в результате совместной деятельности продукция и полученные от такой деятельности плоды и доходы признаются их общей долевой собственностью, если иное не установлено законом или договором простого товарищества либо не вытекает из существа обязательства. Внесенное товарищами имущество, которым они обладали по основаниям, отличным от права собственности, используется в интересах всех товарищей и составляет наряду с имуществом, находящимся в их общей собственности, общее имущество товарищей. В судебной практике представлена позиция, согласно которой формирование общего имущества является существенным признаком договора простого товарищества[1].

Следует отметить, что ст. 1043 ГК РФ об общем имуществе товарищей признается диспозитивной, и товарищ, обладающий имуществом на праве собственности, может самостоятельно определять, каким образом ему внести вклад. Например, договором можно установить, что внесенное как вклад или полученное в ходе совместной деятельности имущество может находиться в индивидуальной собственности соответствующего участника, т.е. предметом вклада является в этом случае право пользования внесенным имуществом[2].

В силу п. 1 ст. 1044 ГК РФ при ведении общих дел каждый товарищ вправе действовать от имени всех товарищей, если договором простого товарищества не установлено, что ведение дел осуществляется отдельными участниками либо совместно всеми участниками договора простого товарищества. При совместном ведении дел для совершения каждой сделки требуется согласие всех товарищей. В отношениях с третьими лицами полномочие товарища совершать сделки от имени всех товарищей удостоверяется доверенностью, выданной ему остальными товарищами, или договором простого товарищества, совершенным в письменной форме.

В подтверждение сказанного обратимся к закону. Каждый участник договора простого товарищества, не связанного с предпринимательской деятельностью, отвечает всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело по общим договорным обязательствам и солидарно – по общим внедоговорным обязательствам (п. 1 ст. 1047 ГК РФ). Если же договор простого товарищества связан с осуществлением предпринимательской деятельности, то товарищи отвечают солидарно по всем общим обязательствам независимо от оснований их возникновения (п. 2 ст. 1047 ГК РФ).

Несмотря на отсутствие защитного обособления, имуществу, составляющему общую собственность, представляется подтверждающее обособление. Такое обо-

---

[1] Определение ВС РФ от 3 июля 2017 г. № 306-ЭС17-7557 по делу № А57-22333/2015.

[2] *Горева А.А.* Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30–66.

собление достигается, во-первых, в силу правила ст. 255 ГК РФ, согласно которому обращение взыскания на имущество, составляющее общую собственность, по долгам участника возможно только при недостаточности у собственника иного имущества. Во-вторых, остальные участники общей собственности имеют право сохранить целостность общего имущества посредствам выкупа у должника его доли по цене, соразмерной рыночной стоимости этой доли, с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга. Таким образом, закон ограничивает возможность личных кредиторов участников обратить взыскание на обособленное – общее имущество. Тем не менее, очевидно, что обращение взыскания на общее имущество по персональным долгам все-таки возможно. Поэтому, пользуясь терминологией Г. Хансманна и Р. Краакмана, общая собственность характеризуется слабой степенью подтверждающего обособления имущества.

Выдел доли участника договора простого товарищества по его личным долгам, не связанным с делами товарищества, осуществляется в полном соответствии с уже названными правилами ст. 255, 1049 ГК РФ.

Какие риски ожидают кредиторов лица, бóльшая часть имущества которого оказалась обособленной в общей собственности в рамках конструкции простого товарищества? Здесь необходимо отметить, что в случае с общей собственностью возникают практические сложности информационного характера, т.е. недостаточно эффективно «работает» техническое обособление общего имущества (функцией которого как раз и является информирование третьих лиц – потенциальных кредиторов). Закон не возлагает на участников общей собственности обязанности информировать своих кредиторов о факте обособления части своего имущества. Утаивание этой информации не влечет для утаившего лица негативных последствий.

Например, проблема недостатка информации проявляется в случае, если договором простого товарищества предусмотрено, что его существование не раскрывается для третьих лиц (негласное товарищество, ст. 1054 ГК РФ). Эта форма товарищества появилась в российском праве впервые[1]. Чтобы защитить интересы кредиторов, вступивших в гражданские правоотношения с пулом имущества (т.е. с товарищем, действующим хоть и от своего имени, но в интересах товарищества и за общий счет), законодателем установлено правило, согласно которому участник негласного товарищества, действующий в общих интересах, отвечает по сделкам с третьими лицами всем своим имуществом (п. 2 ст. 1054 ГК РФ). То есть здесь законодательно нивелировано защитное обособление: общие кредиторы вправе обратить взыскание на личное имущество участника.

Но что, когда участник товарищества, внесший значительную часть своего имущество в товарищество, совершает сделку в своих личных интересах? Допу-

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М.: Юрайт, 2004.

стим, сделка не исполнена, и личный кредитор участника товарищества желает обратить взыскание на имущество должника. Именно тут «срабатывает» хоть и слабое, но все же имеющее место подтверждающее обособление имущества, находящегося в общей собственности, и обращение взыскания на имущество возможно только по правилам ст. 255 ГК РФ. Не будет удивительным, что соблюдение требований ст. 255 ГК РФ для кредитора на практике оборачивается непредсказуемыми издержками.

Опасения разделяют профессора Томского государственного университета Г.Л. Осокина и Б.Л. Хаскельберг. Как отмечалось выше, в абз. 2 и 3 ст. 255 ГК РФ определены последствия невозможности обращения взыскания на долю в общем имуществе в натуре. В этом случае закон предусматривает обращение взыскания на долю должника в праве общей собственности путем ее продажи должником остальным участникам общей собственности либо продажи с публичных торгов. Процедура продажи должником-участником долевой или совместной собственности своей доли в праве общей собственности другим участникам общей собственности предполагает совершение должником соответствующих действий (ст. 250 ГК). Принимая во внимание принудительный характер изъятия доли должника в общем имуществе, а также то, что в роли продавца доли выступает должник, от которого зависит соблюдение требуемой законом процедуры продажи (ст. 250 ГК), реализация кредитором права требования продажи должником своей доли в праве может оказаться весьма затруднительной, а то и просто невозможной, так как едва ли практически можно принудить должника совершить необходимые действия по продаже. А поскольку абз. 3 ст. 255 ГК РФ предоставляет кредитору право требовать в судебном порядке продажи доли должника с публичных торгов только в случаях отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника, которому должны предшествовать соответствующие действия должника, то права и законные интересы кредитора участника общей собственности могут оказаться без надлежащей защиты в случаях невозможности выдела доли в натуре и отказа должника (в явной или неявной форме) от продажи своей доли остальным сособственникам. По мнению названных авторов из Университета Томска, это свидетельствует о несовершенстве ст. 255 ГК РФ, регламентирующей порядок обращения взыскания на долю в праве общей собственности, поскольку действующая редакция данной статьи не исключает трудностей в реализации кредитором права обращения взыскания по долгам на долю в общей собственности[1].

Как отмечает А.А. Горева, при отсутствии правосубъектности простого товарищества как самостоятельного юридического лица эта правовая конструкция не может служить гарантией для третьих лиц, так как имущество товарищества

[1] *Осокина Г.Л., Хаскельберг Б.Л.* Обращение принудительного взыскания на долю в общем имуществе // Российская юстиция. 1995. № 10 (СПС «КонсультантПлюс»).

не обособлено от имущества участников и принадлежит им на праве долевой собственности[1]. Таким образом, конструкция простого товарищества защищает не столько обособленное имущество (т.е. имущество, обособленное по принципу *entity shielding*), сколько личное имущество учредителей. Конструкция простого товарищества защищает участников договора от (1) отчуждения одним из товарищей своего вклада; (2) обращения взыскания со стороны личных кредиторов товарища на вклад. Иными словами, формирование общего имущества служит гарантией продолжения отношений по исполнению договора простого товарищества – с использованием вкладов для достижения общей цели. С позиции Н.Г. Вавина, утрачивается непосредственность вещной связи товарища с объектом вклада, имущество принадлежит товариществу как особому субъекту прав – или всем товарищам сообща. Учредитель не вправе произвольно распоряжаться имуществом в ущерб товарищам и объединению, а личные кредиторы лишаются права обращать взыскание на переданные объекты[2]. Соответственно, используется обособление по типу *owner shielding*. Ограничения, производные от данной правовой конструкции, обусловлены согласованной целью использования имущества и волеизъявлениями участников полного товарищества.

«Защитный» характер простого товарищества как договора об объединении раскрывается в признаках фидуциарности этого договора. Во-первых, уступка прав участниками простого товарищества невозможна без согласия всех товарищей (п. 2 ст. 388 ГК РФ). Во-вторых, договор прекращается при выходе одного из участников или потере им правосубъектности, в том числе при банкротстве (ст. 1050 ГК РФ). А.А. Горева подчеркивает, что данные положения направлены на поддержание лично-доверительных отношений товарищей через сохранение персонального состава объединения[3]. Вместе с тем развитие экономики, появление массового производства привели к тому, что объект обязательственных отношений (товар, работы, услуги) стал первичен, а личности кредитора и должника – вторичны.

Можно заметить, что эта тенденция нашла воплощение в п. 3 ст. 388 ГК РФ, в соответствии с которым соглашение между должником и кредитором об ограничении или о запрете уступки требования по денежному обязательству

---

[1] *Горева А.А.* Указ. соч. С. 30–66.

[2] *Вавин Н.Г.* Вопросы цивилистики: Правовая ситуация гражданских товариществ // Право и жизнь. 1926. № 1. С. 33.

[3] *Горева А.А.* Указ. соч. См. также: п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 июля 2000 г. № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве» // СПС «КонсультантПлюс» («Уступка права требования по договору о совместной деятельности без согласия всех участников невозможна, поскольку это противоречит статье 388 Гражданского кодекса Российской Федерации. Поскольку по договору о совместной деятельности личность его участника имеет существенное значение, уступка требования по нему возможна только в том случае, если согласие на уступку предусмотрено договором или последующим соглашением его участников»); *Зардов Р.С.* Критерии, влияющие на существенность личности кредитора в контексте необходимости получения согласия должника на уступку (анализ пункта 2 статьи 388 Гражданского кодекса РФ) // Право и экономика. 2018. № 5. С. 33.

не лишает силы такую уступку и не может служить основанием для расторжения договора, из которого возникло это требование, но кредитор (цедент) не освобождается от ответственности перед должником за данное нарушение соглашения. Таким образом, относительный характер обязательственного правоотношения отходит на второй план.

Ограничения, обусловленные свойством фидуциарности отношений товарищей, связаны с наличием фидуциарных обязанностей из данного договора – обязанности действовать добросовестно и разумно. Фидуциарные обязанности товарищей прямо не закреплены в законодательстве, однако, отмечает А.А. Горева, указание на существование подобных обязанностей существует в доктрине[1]. И.И. Зикун выделяет следующие признаки фидуциарных обязанностей, определяющие правовой режим обособленного имущества: 1) критерий осуществления чужого права, так как фидуциарный характер отношений ограничивает возможности по распоряжению имуществом в пользу третьих лиц; 2) критерий исполнения обязанности наилучшим для кредитора образом (в случае полного товарищества кредиторами в фидуциарном правоотношении становятся товарищи); 3) критерий необратимости юридических последствий[2].

В рамках договора простого товарищества свойства фидуциарных обязанностей проявляются в том, что каждый участник простого товарищества по общему правилу может вести общие дела (ст. 1044 ГК РФ), т.е. распоряжаться общим имуществом и заключать сделки, которые связывают всех участников товарищества. Сделка, заключенная одним из товарищей в интересах товарищества, связывает всех его участников. Фидуциарный характер обязанностей снижает трансакционные издержки контроля, поскольку требование о добросовестности и благоразумии в отношении всех товарищей подразумевается при совершении сделок[3].

---

[1] См., например, следующие утверждения: «Лично-доверительные отношения товарищей создают основу для их сотрудничества и пронизывают собой весь договор простого товарищества. На каждого из товарищей возложена неписаная обязанность действовать добросовестно по отношению к другому товарищу, в связи с чем договор в целом приобретает фидуциарный характер» (*Бойко Т.С.* Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019. С. 167); «Лично-доверительные (фидуциарные) отношения в простом товариществе – это отношения между товарищами в процессе совместной деятельности по поводу исполнения лежащих на них фидуциарных обязанностей: по выбору наиболее целесообразных методов и способов осуществления действий в интересах всех товарищей, по проявлению должной заботливости и добросовестности к делам товарищества; по недопустимости извлечения личной выгоды за счет остальных товарищей без их согласия; по своевременному сообщению другим товарищам о случаях конфликта собственных интересов с интересами товарищества» (*Ястребов И.С.* Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора простого товарищества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007). Цит. по: *Горева А.А.* Указ. соч.

[2] *Зикун И.И.* Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 72.

[3] Судья Бенджамин Кардозо указал, что товарищ должен поставить себя в такое положение, когда мысли о своей выгоде должны быть отброшены, как бы тяжело это ни было. См.: *Горева А.А.* Указ. соч.

Существование фидуциарных обязанностей из договора партнерства признается в зарубежных правопорядках. Например, в Англии фидуциарные обязанности включают обязанность раскрытия информации, обязанность отчитываться перед партнерами о полученной прибыли и обязанность не конкурировать с партнерством[1]. В США фидуциарные обязанности в партнерстве включают обязанность быть добросовестным по отношению к партнерству и партнерам (*duty of loyalty*) и обязанность действовать разумно (*duty of care*) при осуществлении полномочий от имени партнерства[2].

Обязанность лояльности партнера включает следующие аспекты: 1) раскрывать партнерству любую информацию о получении прибыли, в том числе о наличии бизнес-возможностей; 2) при ведении дел партнерства всегда действовать в интересах партнерства и 3) воздерживаться от конкуренции с партнерством. Обязанность разумности заключается в требовании проявлять заботу по отношению к партнерству и другим партнерам при ведении дел партнерства, а также воздерживаться от грубого небрежного или неосторожного поведения, преднамеренного неправомерного поведения или сознательного нарушения закона[3].

Рассмотрев характеристики простого товарищества, рассмотрим отдельный вид данной правовой конструкции по российскому законодательству – инвестиционное товарищество.

Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (далее – Закон об инвестиционном товариществе) определяет особенности одной из разновидностей простого товарищества – инвестиционного товарищества[4]. Акт критикуют за внутреннюю несогласованность. Тем не менее начиная с 1 января 2012 г. российский правопорядок знает такой способ организации коллективных инвестиций без образования юридического лица, как инвестиционное товарищество.

Обособление имущества посредством инвестиционного товарищества имеет черты, присущие обычно юридическому лицу, но не общей собственности. В частности, речь идет о сильной форме защитного обособления применительно к неуправляющим товарищам (их можно по аналогии назвать «товарищи-вкладчики») по определенным требованиям кредиторов общего имущества. При

---

1 *Ribstein L.E.* Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005. No. 1. P. 218–221; *Deards E.* Practice Notes on Partnership Law. London: Routledge-Cavendish, 1999. P. 30.

2 Revised Uniform Partnership Act 1994. Sec. 404.

3 *Glover S.I., Wasserman C.M.* Partnerships, Joint Ventures & Strategic Alliances. New York: Law Journal Press, 2003. P. 83–87.

4 Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на проекты федеральных законов № 557184-5 «Об инвестиционном товариществе» и № 557192-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об инвестиционном товариществе»» (принято на заседании Совета 27 июня 2011 г., протокол № 97).

этом, для конструкции общей собственности, рассмотренной выше, характерно отсутствие защитного обособления как такового.

Несмотря на то что Закон об инвестиционном товариществе по большей части воспроизводит нормы гл. 55 ГК РФ, пусть в несколько иной интерпретации[1], остановимся на моментах, ключевых для цели настоящей статьи.

В соответствии с Законом об инвестиционном товариществе несколько лиц (товарищей) могут заключить договор инвестиционного товарищества, согласно которому они вносят свое личное имущество в качестве вклада в общее имущество товарищества, на основе которого они без образования юридического лица планируют заниматься инвестиционной деятельностью для извлечения прибыли (п. 1 ст. 3). Посредством создания инвестиционного товарищества его участники обособляют часть своего личного имущества: управляющим осуществляется обособленный учет общего имущества (активов и пассивов), открывается специальный банковский счет для совершения операций с общими денежными средствами (подп. 1, 2 п. 3 ст. 4, п. 3 ст. 7 Закона об инвестиционном товариществе).

В договоре может участвовать до 50 лиц (п. 6 ст. 3 Закона об инвестиционном товариществе), в связи с чем, естественно, что один или несколько товарищей ведут общие дела от имени остальных, за что им причитается вознаграждение за счет общего имущества (п. 1 ст. 5 Закона об инвестиционном товариществе).

Условия договора инвестиционного товарищества засекречены и охраняются в соответствии с законом о коммерческой тайне (п. 1 ст. 12 Закона об инвестиционном товариществе). Между тем именно договор содержит условия о размере и составе вкладов, сроках их внесения, размере долей каждого товарища в общем имуществе и другие важные положения (п. 1 ст. 11 Закона об инвестиционном товариществе), на основании которых кредиторы могли бы сделать вывод о надежности товарищей как контрагентов.

В силу п. 2 ст. 8 Закона об инвестиционном товариществе доступ третьих лиц к документам о создании товарищества осуществляется лишь с письменного согласия уполномоченного управляющего товарища, осуществляющего ведение общих дел товарищей. Отказ от разглашения информации не может быть оспорен или преодолен иным образом.

Какое имущество можно обособить посредством создания инвестиционного товарищества? Управляющий товарищ вправе внести в общее имущество товарищества любое имущество (за исключением подакцизных товаров) и права, имеющие денежную оценку. Товарищи, не являющиеся управляющими, – только денежные средства (п. 1, 2, 4 ст. 6 Закона об инвестиционном товариществе). Размер доли каждого из товарищей в общем имуществе товарищей определяет-

[1] Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на проект федерального закона «Об инвестиционном товариществе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета 28 февраля 2011 г., протокол № 91).

ся пропорционально стоимости внесенных ими вкладов в общее дело (п. 1 ст. 7 Закона об инвестиционном товариществе). Раздел общего имущества и выдел из него доли в натуре по требованию товарища не допустим, пока существует товарищество (п. 2 ст. 7 Закона об инвестиционном товариществе).

Для дальнейшего анализа важно отметить, что согласно Закону об инвестиционном товариществе одно лицо может одновременно участвовать в неограниченном количестве инвестиционных товариществ, в том числе в качестве управляющего товарища (п. 5 ст. 3).

Итак, в конструкции инвестиционного товарищества, безусловно, присутствует обособление имущества, причем в отличие от простого товарищества, инвестиционному товариществу присуща не только форма подтверждающего, но и защитного обособления. И действительно, в соответствии с п. 3 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе личное (необособленное, не переданное в пул товарищества) имущество участника защищено от требований общих кредиторов (кредиторов пула): по общим договорным обязательствам, контрагентами по которым являются субъекты предпринимательской деятельности, каждый товарищ, не являющийся управляющим товарищем, отвечает пропорционально и в пределах стоимости принадлежащей ему оплаченной доли в общем имуществе товарищей и не отвечает иным своим имуществом.

Из сказанного следует, что защитное обособление распространяется, во-первых, только на товарищей, не являющихся управляющими, во-вторых, «экран» действует только против договорных требований кредиторов-предпринимателей. Однако, исходя из того, что сама совместная инвестиционная деятельность осуществляется товарищами для конечной цели извлечения прибыли, то разумно предположить, что большинство отношений с третьими лицами будут являться договорными и находятся в предпринимательской области. Кроме того, по общему правилу п. 3 ст. 9 Закона об инвестиционном товариществе, решения, касающиеся общих дел товарищей, принимаются по общему согласию всех товарищей. Заключение сделок с третьими лицами от имени всех товарищей и по поводу общему имущества, на наш взгляд, вполне подпадают по категорию «общие дела». В этой связи есть основания полагать, что общие кредиторы товарищей находятся в ущемленном положении и их возможность предъявить требования к личному имуществу товарищей при недостаточности общего необоснованно ограничена лишь личным имуществом управляющих товарищей (п. 3 ст. 14 Закона об инвестиционном товариществе).

Подтверждающее обособление имущества в инвестиционном товариществе проявляется так же слабо, как и в простом товариществе. Нормы, регулирующие порядок выдела доли товарища по требованию его личного кредитора, лишены какой-либо специфики по сравнению с ранее рассмотренными. Также обращение взыскания на имущество, составляющее общую собственность инвестиционного товарищества, по долгам участника возможно только при недостаточности

у него иного имущества (п. 1 ст. 16 Закона об инвестиционном товариществе). Остальные участники товарищества могут воспротивиться выделу доли, и в этом случае кредитор должен потребовать от товарища-должника продать свою долю другим участникам по цене, соразмерной рыночной (п. 2 ст. 16 Закона об инвестиционном товариществе). Только если товарищи откажутся выкупить долю, кредитор вправе обратиться в суд с иском об обращении взыскания на долю должника в общем имуществе товарищей путем продажи этой доли с публичных торгов (п. 3 ст. 16 Закона об инвестиционном товариществе).

Отличие ситуации с инвестиционным товариществом от общего правила выдела доли в общей собственности (ст. 255 ГК РФ) состоит в том, что личный кредитор товарища вправе потребовать не только выдела доли должника в общем имуществе товарищества, но и перевода на себя самого прав и обязанностей товарища-должника по договору инвестиционного товарищества. На практике эффективность способа защиты сомнительна, ведь договор об инвестиционном товариществе не открыт кредитору для ознакомления без специального разрешения управляющего, и, следовательно, у кредитора нет возможности узнать, об условиях договора, место участника в котором вправе занять кредитор должника[1].

Вообще передача прав и обязанностей товарища (неуправляющего) по договору инвестиционного товарищества является, на наш взгляд, одной из специфичных черт рассматриваемого Закона. И порядок такой передачи не всегда представляется логичным. В п. 1 ст. 15 Закона об инвестиционном товариществе допускается «частичная передача прав» товарища по договору третьему лицу.

---

[1] См.: постановление 9 ААС от 15 февраля 2013 г. № 09АП-1988/2013, 09АП-4243/2013, 09АП-3221/2013 по делу № А40-99425/11-109-513 («В удовлетворении исковых требований в части признания ничтожным соглашения об уступке прав и обязанностей по инвестиционному контракту и переводе долга отказано правомерно, так как оспариваемая уступка по контракту, который определен как договор простого товарищества, без согласия всех участников невозможна, поскольку это противоречит ГК РФ, в соответствии с которым уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, без согласия должника не допускается»); постановление 9 ААС от 20 июля 2018 г. № 09АП-23944/2018 по делу № А40-221418/17 («Товарищ, не являющийся управляющим товарищем, вправе передать свои права и обязанности по договору инвестиционного товарищества полностью или частично другому товарищу либо третьему лицу, если иное не установлено договором инвестиционного товарищества. При этом согласие контрагентов по договорам, заключенным от имени всех участников договора инвестиционного товарищества, на перевод долга по общим договорным обязательствам не требуется. При полной передаче прав и обязанностей по договору инвестиционного товарищества иному лицу к нему переходят все права и обязанности, принадлежавшие участнику договора инвестиционного товарищества, который передал свои права и обязанности»). См. об уступке прав и обязанностей по возмездному контракту: постановление ФАС Московского округа от 22 мая 2013 г. по делу № А40-99425/11-109-513; определение ВАС РФ от 23 сентября 2013 г. № ВАС-9381/13 по делу № А40-99425/11-109-513. См. также: *Кирилловых А.А.* Вопросы ответственности товарищей по обязательствам в рамках договора инвестиционного товарищества // Право и экономика. 2013. № 8. С. 40– 47; *Лаптев Г.А.* Отдельные характеристики инвестиционного товарищества, присущие юридическим лицам // Юрист. 2013. № 18. С. 35–38; *Он же.* Инвестиционное товарищество как частный случай простого товарищества // Гражданское право. 2013. № 4. С. 33–36.

В частности, это может быть уступка права на получение прибыли по договору. Сама по себе такая уступка не означает перемены лица в обязательстве. Однако многим специалистам «частичная передача прав» товарища по договору в отрыве от его обязанностей представляется невозможной. Допустив, что товарищ вправе передать свое право на участие в распределении прибыли и в управлении делами товарищества третьему лицу, но сохраняет при этом обязанность по дальнейшему внесению вкладов, законодатель делает договор инвестиционного товарищества конструкцией, создающей дополнительные риски для устойчивости гражданского оборота[1].

Несмотря на то что на частичную передачу прав товарища по договору не требуется ни согласия иных участников (п. 5 ст. 15 Закона об инвестиционном товариществе), ни согласия контрагентов по договорам, заключенным от имени всех участников договора инвестиционного товарищества (п. 1 ст. 15 Закона об инвестиционном товариществе хотя именно в такой «частичной передаче» таятся риски и имеется возможность злоупотреблений, на перевод прав и обязанностей с участника-должника на его кредитора, готового встать на место попавшего в дефолт товарища, требуется согласие всех оставшихся участников.

Специалисты отмечают, что кредиторы, вступившие в «общие договорные обязательства» с участниками товарищества (кредиторы пула имущества) находятся в преимущественном положении по сравнению с личными кредиторами товарищей. Последние для удовлетворения своих требований должны обращать взыскание на долю должника в общем имуществе товарищества. Однако этому сопутствуют сложности. Во-первых, информация для всех третьих лиц недоступна и разглашается исключительно с письменного согласия управляющего товарища, механизма преодоления которого не предусмотрено. Во-вторых, одно лицо может участвовать одновременно в нескольких товариществах, в том числе в качестве управляющего товарища, отвечающего по общим обязательствам каждого такого товарищества своим имуществом[2]. Другими словами, мы снова вынуждены констатировать неэффективность реализации информационной функции обособления, теперь уже применительно к конструкции инвестиционного товарищества.

Как проблема недостатка информации и обеспечения интересов кредиторов решается в зарубежных правопорядках? Обратимся к английскому опыту. В Англии существует два вида товариществ – товарищество с неограниченной ответственностью товарищей (*general partnership*) и товарищество с ограниченной ответственностью товарищей (*limited partnership – LP*). В обоих случа-

[1] Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на проект федерального закона «Об инвестиционном товариществе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» (принято на заседании Совета 28 февраля 2011 г., протокол № 91).

[2] Там же.

ях не образуется самостоятельный субъект права[1]. Этим товарищество с неограниченной ответственностью товарищей отличается от знакомого российскому законодателю полного товарищества (товарищества на вере), обладающего правосубъектностью (ст. 66 ГК РФ).

Товарищество с неограниченной ответственностью участников – это контракт. Его не требуется регистрировать, и даже в письменном выражении он не нуждается. Вопросы внутренних взаимоотношений сторон решаются товарищами в полном соответствии с принципом свободы договора. По общему правилу, каждый участник вправе заключать сделки от имени всех товарищей, поэтому их отношения внутри товарищества строятся на основе добросовестности участников и их взаимном доверии. «Расплатой» за свободу и «скрытность» от третьих лиц является неограниченная ответственность каждого отдельно взятого товарища по общим обязательствам всем его личным имуществом[2]. В данном случае нет никакой речи о защитном обособлении имущества.

Второй вариант товарищества находится, если так можно выразиться, между контрактом и юридическом лицом (фирмой), воплощая в себе признаки того и другого. Как уже отмечалось, английское право не наделяет *limited partnership* свойством субъекта права, формально это все-таки контракт. Принципиально отличается этот вид товарищества от предыдущего тем, что в него входят две категории товарищей: товарищи-вкладчики (*limited partners*) и полные товарищи (*general partners*). Первые не участвуют в управлении общими делами и отвечают по общим долгам только имуществом, переданным в товарищество в качестве вклада, вторые – ведут дела товарищества и отвечают по общим долгам всем своим имуществом без ограничения. По сути, они отвечают за собственные же решения. Как мы видим, для товарищей-вкладчиков в полной мере реализуется защитное обособление имущества: требования кредиторов, возникшие в связи и по поводу имущества, обособленного участником в товариществе, не подлежат удовлетворению из личного имущества товарища[3], т.к. работает «экран». Вследствие этого проявляются риски кредиторов, которые могут реализоваться в случае недостаточности у них соответствующей информации, что, как мы отмечали выше, и происходит применительно к российскому варианту простого товарищества и его специальному виду – инвестиционному товариществу.

Английское право решает информационную проблему путем установления требования регистрировать товарищества с ограниченной ответственностью

---

1 В Шотландии товарищество с ограниченной ответственностью товарищей признается субъектом права.

2 *Reason M., Imykshenova E.* New Business Vehicles for Private Equity and Venture Capital in Russia // The First Russian-English Roundtable Discussion "Legislation on Venture-Capital Investments: UK Experience and Russian Perspectives". Moscow, the 24th of October 2011.

3 *Whittaker J., Machell J.* The Law of Limited Liability Partnerships. 3rd ed. London: Bloomsbury, 2001. P. 134–137.

участников в специальном ведомстве – Регистрационной палате (для товариществ Англии и Уэльса она находится в Кардифе). Если правило регистрации не соблюдено, товарищество будет считаться товариществом с неограниченной ответственностью участников, а товарищи-вкладчики – полными товарищами[1]. Иными словами, их личное имущество не будет считаться «экранированным» от имущества товарищества.

Как можно видеть из описания характеристик двух видов товариществ по английскому праву, инвестиционное товарищество в плане ответственности товарищей схоже с товариществом с ограниченной ответственностью товарищей, однако по «непрозрачности» внутренней структуры и закрытости сопутствующей информации для третьих лиц инвестиционное товарищество напоминает больше товарищество с неограниченной ответственностью товарищей, что обусловливает возможный дисбаланс при использовании этой правовой конструкции.

Опыт английского права подтверждает, что право есть система и в нем обязательно должны предусматриваться сдержки и противовесы. Если участники товарищества имеют возможность «экранировать» часть своего имущества посредством внесения вклада в товарищество и тем самым оградить оставшееся имущество от требований кредиторов по поводу общего имущества, то этой опции обязательно должно противопоставляться право всех третьих лиц быть информированными: иные участники оборота вправе получить информацию о том, каким именно имуществом располагает потенциальный контрагент для того, чтобы нести ответственность по принимаемым на себя обязательствам. Для этого, как показывает опыт ряда западных стран, могут использоваться специализированные реестры. Российское же законодательство в этой части не может считаться сбалансированным.

В товариществе по гражданскому праву Германии могут участвовать физические и юридические лица. Товарищество гражданского права часто используется для объединения людей по профессиональному признаку – например, конструкция используется для объединения врачей, адвокатов и деятелей искусства[2]. Объединение может быть создано на основании соглашения, в соответствии с которым стороны обязуются активно достигать установленную ими цель. Соответственно, данной цели подчиненно и имущество, передаваемое в товарищество.

Вопрос формирования пула общего имущества решается в зависимости от вида товарищества. Так, товарищества, исходя из доктрины, можно разделить на внешние и внутренние[3]. Во внутреннем товариществе все сделки совершает от

---

1 *Whittaker J., Machell J.* Op. cit. P. 134–137.

2 *Рихтер А., Путинцева А.А.* Простое товарищество в Германии: девять преимуществ перед его российским аналогом // Арбитражная практика. 2017. № 12. С. 118.

3 *Ulmer P.* Gesellschaft bürgerlichen Rechts und Partnerschaftsgesellschaft: systematischer Kommentar. München: C.H. Beck, 2009. Цит. по: *Горева А.А.* Указ. соч.

своего имени один из участников. Выступающий в гражданском обороте в рамках реализации целей товарищества участник действует от собственного имени, в его отношении возникают права и обязанности из заключаемых им договоров с третьими лицами. Необходимым условием признания простого товарищества внутренним является отсутствие совместного имущества[1]. Смысл товарищества в этом случае заключается в распределении управленческих правомочий. Также в ряде случаев управляющий товарищ может совершать сделки за счет других товарищей[2]. Как отмечают В.А. Фогель и С.Г. Шмидт, «внутреннее простое товарищество по отношению к третьим лицам никто не представляет»[3]. Кроме того, вовсе не является определяющим для признания объединения внутренним товариществом факт раскрытия информации о простом товариществе третьим лицам – внутреннее товарищество может быть образовано вовсе без раскрытия такой информации[4].

Внешнее товарищество выступает в отношениях с третьими лицами самостоятельно и имеет общее имущество, обособленное от имущества товарищей[5]. Внешнее товарищество участвует в гражданском обороте в качестве правосубъектного объединения через законных представителей, в том числе при заключении сделок с третьими лицами в отношении общего имущества. При этом внешнее простое товарищество не является юридическим лицом[6], но, как видится, выполняет конкретную и характерную для юридического лица функцию по обособлению и аккумулированию пула имущества для достижения согласованной цели.

Регулирование простого товарищества содержится в § 705–740 ГГУ. Как отмечают А. Рихтер и А.А. Путинцева, простое товарищество существует в различных модификациях, что делает конструкцию гибкой. Так, данная форма объединения подходит для небольшой группы участников, для выполнения конкретных бизнес-проектов, а также для реализации крупных инвестиционных программ. Для создания товарищества достаточно договориться о целях сотрудничества и, более того, сотрудничество как таковое (т.е. наличие общего интереса) может быть такой целью[7].

---

1 *Фогель В.А., Шмидт С.Г.* Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора // Закон. 2012. № 2. С. 161–171.

2 *Горева А.А.* Указ. соч.

3 BGH, NJW 1960, 1851 ff.; WM 1965, 793; WM 1973, 296 f.; *Ulmer P.* in Kommentar zum BGB. 5. Aufl. 2009. § 705 Rn. 238. Цит. по: *Фогель В.А., Шмидт С.Г.* Указ. соч. С. 161–171.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же. См. также: решение Федеральной судебной палаты (BGH), NJW 02, 368; *Hueck G.* in: Festschrift für Wolfgang Zöllner zum 70. Geburtstag. Bd. 1. Köln: Carl Heymanns, 1998. S. 275, 280 ff.; *Wiedemann H.* Die Personengesellschaft – Vertrag oder Organisation? // ZGR. 1996. S. 286, 289 f.

7 *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 119.

Согласно положениям § 705 ГГУ участники договора товарищества обязаны взаимно содействовать достижению общей цели. Понятие цели может быть сформулировано максимально широко (например, допустимо устранять товарищества от распределения прибыли и создавать *societas leonina*[1] – товарищество, в котором один из товарищей получает прибыль, а остальные несут потери)[2]. Цель является широкой, но в противовес данному факту она же является фиксированной – согласованной в учредительном договоре.

Разграничивают цель договора простого товарищества и цель, с которой каждый участник договора заключает его. Например, личные цели товарищей могут относиться к репутационным выгодам от участия в товариществе, быть связаны с получением опыта, информации или доступа к сферам деятельности[3].

Экономический и правовой эффект применения конструкции товарищества связан с тем, что при его создании «фиксируется» цель – именно для ее достижения объединились участники. Произвольное изменение цели не должно быть чрезмерно простым. Постоянство и четкое выражение цели защищают от злоупотреблений на стороне участников объединения в тех случаях, когда один или некоторые из них имели бы возможность недобросовестно повлиять на общую деятельность. По этой причине изменение договора простого товарищества требует согласия всех участников. Более того, в силу общности цели и интересов стороны договора простого товарищества не могут противопоставляться друг другу как кредиторы и должники.

Обязанность стремиться к достижению общей цели дополняется обязанностью верности, мотивирующей участников действовать определенным образом или воздержаться от действий. Данный принцип становится основой для предотвращения конфликта интересов между участниками, поскольку исключает ситуацию, в которой интересы отдельного участника будут поставлены выше, чем общая цель.

Характер обособления имущества в простом товариществе обусловлен способом формирования пула активов, а именно участники должны внести материальные или нематериальные вклады, чтобы содействовать достижению общей цели (имущественный вклад – только одна из форм содействия достижению

---

1 *Zimmermann R.* The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta & Co. Ltd., 1992. P. 459–460; *Schermaier M.J.* Rezensionen: Kai-Michael Hingst, Die societas leonina in der europäischen Privatrechtsgeschichte: Der Weg vom Typenzwang zur Vertragsfreiheit am Beispiel der Geschichte der Löwengesellschaft vom römischen Recht bis in die Gegenwart, Berlin 2003 // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 2008. Bd. 76. S. 401–403; *Meissel F.-S.* Kai-Michael Hingst, Die societas leonina in der europäischen Privatrechtsgeschichte: Der Weg vom Typenzwang zur Vertragsfreiheit am Beispiel der Geschichte der Löwengesellschaft vom römischen Recht bis in die Gegenwart // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 2006. Bd. 123(1). S. 424–427.

2 *Ulmer P.* Op. cit. Цит. по: *Горева А.А.* Указ. соч.

3 *Горева А.А.* Указ. соч.

общей цели)[1]. Для внесения вещи в качестве вклада предусмотрены три способа: 1) передача права собственности; 2) передача права пользования; 3) передача стоимости имущества[2].

Создание товарищества не требует больших усилий и затрат[3]. Следует согласиться с тем, что конструкция простого товарищества помогает связать между собой самостоятельных субъектов различных циклов единого производственного процесса без создания отдельного юридического лица, т.е. помогает объединить капиталы без несения дополнительных издержек[4].

По мере увеличения масштаба деятельности товарищества происходит ужесточение регуляторных требований к его деятельности. Когда простое товарищество начинает заниматься предпринимательской деятельностью в крупном размере (исходя из критериев годового оборота, задействованного капитала, количества сотрудников и трансакций), оно становится полным (открытым) товариществом, и должно быть внесено в соответствующий торговый реестр. К такому объединению должны применяться правила Германского торгового уложения – в том числе, специальные требования к бухгалтерскому учету. Учитывая ограничения, сопряженные с применением торгового законодательства, использование простого товарищества для долгосрочного сохранения капитала не выглядит оптимальным решением – особенно для тех случаев, когда целью является накопление и защита активов, а не использование их в обороте.

В немецкой доктрине существует дискуссия о правоспособности простого товарищества. Так, в 1990-е гг. распространение получает позиция, согласно которой простое товарищество строится по модели полного (открытого) торгового товарищества. При этом доктрина и судебная практика долгое время придерживались иной позиции – приобретать права и обязанности могли только участники товарищества, а не объединение как самостоятельный участник оборота[5].

---

[1] *Горева А.А.* Указ. соч.

[2] *Ulmer P.* Op. cit. Цит. по: *Горева А.А.* Указ. соч.

[3] *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 119. См. также: *Чиненова А.* Кристиан Армбрюстер. Правовое регулирование деятельности закрытых инвестиционных фондов в Германии // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2010. № 4. С. 15–20.

[4] *Мурзин Д.А., Титова А.В.* Указ. соч. С. 37–45.

[5] *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 121. Также любопытный пример: «В современной германской судебной практике в аналогичной ситуации иностранное акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью может быть квалифицировано в качестве простого товарищества (Gesellschaft burgerlichen Rechts (GbR)), участники которого не пользуются привилегией ограниченной ответственности по долгам компании (см., например, решение Верховного суда Германии от 27 октября 2008 г. по так называемому делу Trabrennbahn (BGH, 27.10.2008 – II ZR 158/06), в котором германский Суд признал за учрежденным в Швейцарии акционерным обществом, имеющим реальную оседлость в Германии, лишь статус простого товарищества по германскому праву)» (*Асосков А.В.* Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? // Вестник гражданского права. 2014. № 4 (СПС «КонсультантПлюс»)).

В 2001 г. Федеральный Верховный суд Германии поддержал доктрину частичной правоспособности и указал, что простое товарищество правоспособно при условии, что оно вступает во внешние правоотношения с третьими лицами и, соответственно, приобретает права и обязанности[1]. Этим была сформулирована позиция о смешанной природе простого товарищества, что указывает на отличие немецкой конструкции товарищества от российской. Простое товарищество не является юридическим лицом, но может приобретать частичную правоспособность, когда вступает во внешние правоотношения с третьими лицами, т.е. само является участником оборота. Внутреннее товарищество не участвует в качестве объединения лиц, поэтому не обладает самостоятельной правоспособностью[2]. Таким образом, общность имущества не является обязательным признаком простого товарищества, однако создание общего пула активов дает преимущество, которое заключается в том, что товарищество может приобрести правоспособность[3]. Эффективность такого решения с точки зрения защитного потенциала обособления имущества остается под вопросом[4].

Поскольку простое товарищество представляет самостоятельную идентичность, непосредственно товарищество как организация может признаваться несостоятельным (банкротом). Для исполнения решений суда и принудительного взыскания в отношении собственности простого товарищества нужно судебное решение против всех его участников (§ 736 Гражданского процессуального уложения Германии)[5].

Дела товарищества могут вести все участники, если договором не предусмотрено иное. Однако для баланса интересов правомочия могут быть распределены между участниками в соответствии с договором. Чаще всего в учредительных договорах встречается модель ведения дела одним или несколькими из числа участников, тогда как остальные участники исключаются из управления (§ 710 ГГУ).

ГГУ также регламентирует правовой режим имущества, внесенного в капитал простого товарищества. Имущество, которым участники обладали на праве соб-

---

1 *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 122.

2 *Ulmer P.* Op. cit. Цит. по: *Горева А.А.* Указ. соч.

3 Ibidem.

4 В отечественной доктрине существует позиция, согласно которой «конструкция юридического лица сама по себе не изменяет квалификации отношений между его участниками как товарищеских». Как доказывает И.В. Овод, «возникновение у товарищества свойств юридического лица не является существенным признаком товарищества, поскольку оно не оказывает влияния ни на юридический строй товарищества, ни на правовое положение лиц, заключивших договор товарищества». См.: *Вольф В.Ю.* Основы учения о товариществах и акционерных обществах. М.: Изд-во НКФ СССР, 1927; *Каминка А.И.* Акционерные компании: Юридическое исследование. Т. 1. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландау, 1902; *Овод И.В.* Товарищества по гражданскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. Цит. по: *Бойко Т.С.* Правовая природа непубличного общества (сравнительно-правовой анализ подходов США, Великобритании и России) // Закон. 2017. № 8. С. 43–63.

5 *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 122.

ственности, а также произведенная в результате совместной деятельности продукция и полученные плоды и доходы, признаются общим имуществом простого товарищества и общей совместной собственностью участников. Имущество товарищества также включает то, что приобретается на основе права, принадлежащего товариществу, или в составе возмещения ущерба (§ 718 ГГУ).

Участники товарищества несут дополнительную неограниченную ответственность всем своим имуществом по обязательствам товарищества. Таким образом, кредитор вправе обратить взыскание на имущество каждого участника лично[1]. Участники простого товарищества несут солидарную ответственность (§ 421 ГГУ). Центральный принцип в основе такого решения: «любое лицо, заключающее сделки, несет личную неограниченную ответственность за возникшие обязательства, независимо от того, действует ли оно самостоятельно или совместно с другими лицами»[2]. Однако исходя из этого потенциал обособления имущества является ограниченным.

На практике нередко модель простого товарищества совмещают с элементами *Treuhand*. В этом случае целью товарищества может являться видоизменение имущественной организации в рамках системы обеспечения кредитного правоотношения. Тогда «в договоре простого товарищества его участники отражают решение о предоставлении способов обеспечения исполнения обязательства в управление одному из участников товарищества либо третьему лицу (банку или *Treuhandgesellschaft*). На основании принятого решения между управляющим обеспечением и заемщиком заключается отдельный договор о *Treuhand*»[3]. Ограничения полномочий, вытекающие из внутренних отношений, не влияют на права для третьих лиц, и управляющий во внешнем отношении наделяется большими полномочиями, чем те, которые обусловлены и согласованы во внутренних правоотношениях. При этом если права на управление способами обеспечения предоставлены участнику простого товарищества и такой управляющий совершает действия в качестве представителя товарищества, речь идет о внешнем простом товариществе[4].

Осуществляя сравнение российской и немецкой модели товарищества, следует отметить, что в российском праве отсутствует деление на внутренние и внешние товарищества и, соответственно, товарищество не принято наделять свойствами юридической личности. Данный факт образует сущностное различие в природе двух правовых конструкций, поскольку влияет на распределение правомочий заинтересованных лиц, выявляет различия в правовом режиме имущества. В ситуации, когда участие в обороте с обособленным имуществом «автоматически» позволяет

---

1 *Рихтер А., Путинцева А.А.* Указ. соч. С. 123.

2 Там же. С. 124.

3 *Фогель В.А., Шмидт С.Г.* Указ. соч.

4 *Горева А.А.* Указ. соч.

делать вывод о существовании правосубъектного товарищества, кредиторы оказываются в более защищенном положении, так как требования могут быть адресованы непосредственно товариществу, а в случае, если имущество недоступно – оно может быть истребовано от участников в собственность товарищества.

А.А. Горева отмечает, что догматически образование общего имущества служит целям защиты самих участников договора простого товарищества от (1) отчуждения одним из них своего вклада и (2) обращения взыскания со стороны личных кредиторов товарища на вклад[1]. При этом «формирование общего имущества есть гарантия продолжения отношений по договору простого товарищества и возможности использовать вклад для достижения общей цели»[2].

Учитывая, что товарищи несут неограниченную ответственность по обязательствам, следует согласиться с выводом о том, что конструкция простого товарищества не требует строго императивного регулирования, так как интересы третьих лиц не нуждаются в дополнительной защите[3]. Высокая степень диспозитивности в правоотношениях данного рода видится оптимальной, несмотря на то, что для обеспечения защитного эффекта обособления имущества даже этой степени диспозитивности может быть недостаточно. По этой причине целесообразно исследовать договорные конструкции и модели товарищества, подразумевающее создание системы сдержек и противовесов при управлении совместным пулом активов и участии в обороте от имени товарищей. Конструкции данного вида могут ограничивать волеизъявление товарищей в отношении сделок с имуществом, входящим в совместный пул. Таким образом, эффект обособления имущества и подчинения его цели усиливается за счет меньшей возможности товарищей распоряжаться имуществом. Потенциал обособления заключается в том, что управленческие правомочия в отношении имущества определены и, соответственно, есть основания полагать, что имущество будет использовано для достижения конкретной экономической цели.

References

Асосков А.В. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? [*Asoskov A.V.* Conflict Regulation of the Legal Capacity of a Legal Entity and the Powers of its Bodies: How to Find a Balance Between the Interests of the Participants in a Legal Entity and the Needs of Civil Circulation?] (in Russian) // Civil Law Review. 2014. No. 4.

---

1 *Горева А.А.* Указ. соч.

2 Там же.

3 *Мурзин Д.А., Титова А.В.* Указ. соч. С. 37–45.

Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании [*Boiko T.S.* Protection of the Rights and Interests of Minority Participants in a Non-Public Company in the Law of Russia, the USA, and the UK] (in Russian). Moscow: Statut, 2019.

Бойко Т.С. Правовая природа непубличного общества (сравнительно-правовой анализ подходов США, Великобритании и России) [*Boiko T.S.* Legal Nature of a Non-Public Society (Comparative Legal Analysis of the Approaches of the USA, Great Britain, and Russia)] (in Russian) // Law. 2017. No. 8.

Братусь С.Н. Субъекты гражданского права [*Bratus S.N.* Subjects of Civil Law] (in Russian). Moscow: Gosiurizdat, 1950.

Вавин Н.Г. Вопросы цивилистики: Правовая ситуация гражданских товариществ [*Vavin N.G.* Issues of Civil Law: The Legal Situation of Civil Partnerships] (in Russian) // Law and Life. 1926. No. 1.

Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1: Часть общая [*Gambarov Iu.S.* Civil Law Course. Vol. 1: General Part] (in Russian). St. Petersburg: M.M. Stasiulevich's Printing House, 1911.

Генкин Д.М. Право собственности в СССР [*Genkin D.M.* Ownership in the USSR] (in Russian). Moscow: Gosiurizdat, 1961.

Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте [*Goreva A.A.* A Simple Partnership Agreement and its Types: Russian Law in a Comparative Legal Aspect] (in Russian) // Civil Law Review. 2020. No. 6.

Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов [Civil Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 2 / Ed. by E.A. Sukhanov] (in Russian). Moscow: BEK, 2006.

Ершов В.А., Сутягин А.В., Кайль А.Н. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации [*Ershov V.A., Sutiagin A.V., Kail A.N.* Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation] (in Russian) (SPS "ConsultantPlus", 2009).

Зардов Р.С. Критерии, влияющие на существенность личности кредитора в контексте необходимости получения согласия должника на уступку (анализ пункта 2 статьи 388 Гражданского кодекса РФ) [*Zardov R.S.* Criteria Affecting the Materiality of the Creditor's Personality in the Context of the Need to Obtain the Debtor's Consent to the Assignment (Analysis of Paragraph 2 of Article 388 of the Civil Code of the Russian Federation)] (in Russian) // Law and Economics. 2018. No. 5.

Зикун И.И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность [*Zikun I.I.* The Construction of Trust in Civil Law: Non-Fiduciary Fiduciary] (in Russian) // Civil Law Review. 2017. No. 3.

Кирилловых А.А. Вопросы ответственности товарищей по обязательствам в рамках договора инвестиционного товарищества [*Kirillovykh A.A.* Issues of Liability of Partners Under Obligations Under an Investment Partnership Agreement] (in Russian) // Law and Economics. 2013. No. 8.

Козярский В.А. Правовое положение простого товарищества в Российской Федерации и товарищества гражданского права в ФРГ [*Koziarskii V.A.* Legal Status of a Simple Partnership in the Russian Federation and a Civil Law Partnership in Germany] (in Russian) // Modern Law. 2011. No. 8.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Two (Article-by-Article) / Ed. by T.E. Abova, A.Iu. Kabalkin] (in Russian). Moscow: Iurait, 2004.

Лаптев Г.А. Инвестиционное товарищество как частный случай простого товарищества [*Laptev G.A.* Investment Partnership as a Special Case of a Simple Partnership] (in Russian) // Civil Law. 2013. No. 4.

Лаптев Г.А. Отдельные характеристики инвестиционного товарищества, присущие юридическим лицам [*Laptev G.A.* Some Characteristics of an Investment Partnership Inherent in Legal Entities] (in Russian) // Lawyer. 2013. No. 18.

Мейер Д.И. Русское гражданское право [*Meier D.I.* Russian Civil Law] (in Russian). Moscow: Statut, 2000.

Мурзин Д.А., Титова А.В. Конструкция простого товарищества как форма осуществления предпринимательской деятельности в условиях пандемии COVID-19 [*Murzin D.A., Titova A.V.* Construction of a Simple Partnership as a Form of Doing Business in the Context of the COVID-19 Pandemic] (in Russian) // Entrepreneurial Law. Appendix "Law and Business". 2020. No. 3.

Осокина Г.Л., Хаскельберг Б.Л. Обращение принудительного взыскания на долю в общем имуществе [*Osokina G.L., Khaskelberg B.L.* Foreclosure on a Share in Common Property] (in Russian) // Russian Justice. 1995. No. 10.

Подсосонная В.В. Юридическое обособление имущества [*Podsosonnaia V.V.* Legal Separation of Property] (in Russian) (SPS "ConsultantPlus", 2004).

Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров [Ownership: Actual Problems / Ed. by V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov] (in Russian). Moscow: Statut, 2008.

Рихтер А., Путинцева А.А. Простое товарищество в Германии: девять преимуществ перед его российским аналогом [*Richter A., Putintseva A.A.* A Simple Partnership in Germany: Nine Advantages over its Russian Counterpart] (in Russian) // Arbitration Practice. 2017. No. 12.

Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы. Научно-практический комментарий [*Sklovskii K.I.* Application of Civil Law on Property and Possession. Practical Questions. Scientific and Practical Commentary] (in Russian). Moscow: Statut, 2004.

Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: учебно-практическое пособие [*Sklovskii K.I.* Property in Civil Law: Educational and Practical Guide] (in Russian). Moscow: Delo, 1999.

Степанов Д.И. Диспозитивность норм договорного права [*Stepanov D.I.* Dispositiveness of the Norms of Contract Law] (in Russian) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2013. No. 5.

Фогель В.А., Шмидт С.Г. Управление способами обеспечения исполнения обязательства в Германии в связи с заключением синдицированного кредитного договора [*Vogel V.A., Schmidt S.G.* Managing the Means of Securing the Fulfillment of an Obligation in Germany in Connection with the Conclusion of a Syndicated Loan Agreement] (in Russian) // Law. 2012. No. 2.

Чиненова А. Кристиан Армбрюстер. Правовое регулирование деятельности закрытых инвестиционных фондов в Германии [*Chinenova A.* Christian Armbruster. Legal Regulation of Closed Investment Funds in Germany] (in Russian) // Entrepreneurial Law. Appendix "Business and Law in Russia and Abroad". 2010. No. 4.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1 [*Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law. Vol. 1] (in Russian). 11th ed. Moscow: Bashmakovs Brothers Publ., 1914.

Deards E. Practice Notes on Partnership Law. London: Routledge-Cavendish, 1999.

Festschrift für Wolfgang Zöllner zum 70. Geburtstag. Bd. 1. Köln: Carl Heymanns, 1998.

Glover S.I., Wasserman C.M. Partnerships, Joint Ventures & Strategic Alliances. New York: Law Journal Press, 2003.

Hansmann H., Kraakman R. The Essential Role of Organization Law // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=229956.

Meissel F.-S. Kai-Michael Hingst, Die societas leonina in der europäischen Privatrechtsgeschichte: Der Weg vom Typenzwang zur Vertragsfreiheit am Beispiel der Geschichte der Löwengesellschaft vom römischen Recht bis in die Gegenwart // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 2006. Bd. 123(1).

Reason M., Imykshenova E. New Business Vehicles for Private Equity and Venture Capital in Russia // The First Russian-English Roundtable Discussion "Legislation on Venture-Capital Investments: UK Experience and Russian Perspectives". Moscow, the 24th of October 2011.

Ribstein L.E. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005. No. 1.

Schermaier M.J. Rezensionen: Kai-Michael Hingst, Die societas leonina in der europäischen Privatrechtsgeschichte: Der Weg vom Typenzwang zur Vertragsfreiheit am Beispiel der Geschichte der Löwengesellschaft vom römischen Recht bis in die Gegenwart, Berlin 2003 // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 2008. Bd. 76.

Whittaker J., Machell J. The Law of Limited Liability Partnerships. 3rd ed. London: Bloomsbury, 2001.

Wiedemann H. Die Personengesellschaft – Vertrag oder Organisation? // ZGR. 1996.

Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta & Co. Ltd., 1992.

Information about the author

Domshenko (Chervets) E.I. (Moscow, Russia) – Master of Jurisprudence (Russian School of Private Law), LL.M., Attorney at Law, Partner at Attorneys at Law Regionservice, Consultant at Alexeev Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation (8, Bldg. 2 Ilyinka St., Moscow, 109012, Russia; e-mail: e.chervets@regionservice.com).